

Ясмотрела на него сквозь сетку просевшего проволочного забора. На заброшенном дачном участке жался в угол низины домик, обшитый блёклыми от времени, грубо отёсанными досками. Они напоминали старую шкуру, покрытую лишаём облупившейся желтоватой краски. Да и сам домик выглядел загнанным зверьком, от отчаяния оставившим попытки бежать из прохудившейся клетки. Он недоверчиво, исподлобья лупил на меня стеклянные глазёнки с желтоватыми от старых занавесок радужками. Высокие иглы выцветших ежовника и чернобыльника, бесцеремонно занявших все шесть соток участка, протыкали серый шёлк тумана.

Справившись со ржавым замком, я толкнула тугую деревянную калитку и вошла в сорняковый лес, вмиг промочив ноги до колен. Стоя на пригорке и держась за стебли разросшейся рудбекии, я шарила ногой в поисках опоры — где-то в метлице были ступеньки. Нашупав первую, перенесла вес, но сразу же поскользнулась и плюхнулась в мокрую траву.

К ладони прилип мятый цветок — жухлое солнце с чёрной дырой семян. Из-под ломанных лепестков вдруг вынырнула и засемила по пальцам сороконожка. Дёрнувшись от испуга, я отбросила цветок и вскочила. Из вдавленной в землю трухи в панике выползали насекомые, об-

Александра Климова родилась в посёлке Межозёрном Лужского района Ленинградской области. Студентка Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (направление — «Режиссура игрового кино»). Член литературного общества «Молодой Петербург» и Совета молодых литераторов Союза писателей России.

устроившие в ней неприязнательное коммунальное жилище. На всякий случай отряхнувшись, я обогнула оставшиеся ступеньки и неуклюже сбежала с пригорка.

Поцарапав руки в зарослях малины, миновав перебитые временем хребты парников, я продралась к старым, покорёженным старухам-яблоням, немо и бездельно доживающим свой век. На стволе самой высокой из них некогда была прибитая реечка — упор для моей детской ноги. Ты подсаживал меня, я забиралась как можно выше, снимала красные-красные, будто налитые густой кровью яблоки и бросала их точно в твои крепкие руки. А потом обязательно сползала с дерева на углы твоих ключиц. Ты держал меня за лодыжки и, чуть подбрасывая, доносил до крыльца, а я вжимала голову в плечи, потому что боялась стукнуться темечком о синее-синее небо.

Обломив ногтём ржавую шляпку гвоздя, торчащего из поросшего мхом ствола, я пошла к крыльцу. Опасаясь, что и эти ступени могли сгнить, осторожно встала на несущие доски. Достав связку ключей, сразу нашла нужный — в ряду похожих он всегда угадывался по царапине. Сняла тяжёлый амбарный замок. Помедлив, вошла в дом, с едва уловимым треском оборвав линовку паучьих сетей в проёме. Меня обдало затхлым, сырым дыханием. Сквозняк вздыбил парусом пыльный рыжий тюль — перегородку между коридорчиком и кухней. Я подхватила его и нырнула в кухню.

Обшитое обожжённой вагонкой, продрогшее помещенье всё же выглядело уютным. Окинув взглядом жёлто-чёрные стены, я вспомнила, как ты огненными мазками проявлял рисунок дерева, а я заворожённо наблюдала за этим чудом. Мне тогда представлялось, что так красят тигров. Взгляд остановился на участке, обожжённом темнее всего — это я передержала горелку, когда ты доверил мне порисовать огнём. Мне всё казался недостаточным чётким проявляющийся рисунок... Кровь вдруг прилила к щекам, словно стены отдавали поглощённое когда-то тепло.

На столе стояла массивная советская пепельница из толстого жёлтого стекла. Из неё торчало несколько мятых оранжевых фильтров. Рядом лежал старый чёрный «крикет». Я чиркнула кремнём, и, на удивление, искра дала слабый огонь. Через пару секунд пламя задрожало и потухло. Захотелось курить. Пространство между кухонькой, совмещённой с коридором, и комнатой делила толстая деревянная дверь с похожей на медузу полупрозрачной голубоватой ручкой. Я неуверенно повернула её. Ручка издала родной уху щелчок, будто включив тумблер учащённого биения сердца. Не решившись открыть дверь, я вышла из домика.

На заднем дворе в окаймлённом кирпичами островке теснился ржавый мангал. Даже прихваченный по периметру крепкой проволокой, он едва держался на разъехавшихся в стороны ножках, чем был похож на не научившегося ходить рыжего те-

лѐнка. Мангал прикрывал лист ржавого железа — на этой «плитке» мы разогревали еду и кипятили чайник.

То было жаркое, приятно-душное, и оттого пряное лето. Новость о твоём приезде взволновала меня. Я не представляла, как вести себя с человеком, связь с которым ограничивалась фотографией из роддома. Однако мы быстро сдружились и обосновались здесь, за несколько километров от деревенской цивилизации. Участок этот, так же как и сейчас, простаивал: у мамы и её родителей не было ни времени, ни сил им заниматься. Лишь пару раз в год мы набегами запасались беспризорно растущими здесь фруктами и ягодами.

Я с трудом выклянчила у мамы разрешение на то, чтобы к тебе приезжать — жить с тобой она не разрешила категорически. Каждое утро той необыкновенной недели я спозаранку собирала завтрак, хватала велосипед и мчалась к тебе. Как бы рано я ни приезжала, ты уже трудился: то стучал молотком, то пилил что-то... Едва соскочив с велосипеда, ещё из-за калитки я махала тебе, а ты в ответ невысоко вскидывал широкую ладонь и смешно кротко кланялся. Небрежно притулив велосипед к сетке забора, почти на кусты рудбекий, я оголтело неслась к тебе. А после крепких объятий летела в домик — накрывать на стол, пока ты споласкивал руки в бочке с дождевой водой.

Завтракали мы всегда вместе. Всё в тебе было удивительно. То, как ты подсаливаешь еду, зачерпывая

крупными пальцами щепотку соли из миниатюрной солонки. То, как ровно разламываешь кусочек хлеба и отдаёшь половинку мне. Как, проследив за моим пытливым взглядом, подмигиваешь, а я, жутко смутившись, беру протянутый хлеб, украдкой рассматривая сине-зелѐную букровку «С» на тыльной стороне твоей ладони. Однажды я нарисовала перманентным маркером на руке такую же букровку. Мать, как увидела, заставила немедленно смыть. Я обиделась, а после случайно подслушала, что ты уедешь, как только докосишь участок — за этим, как оказалось, бабушка тебя и позвала. Обыкновенно покладистая и робкая, я демонстративно схватила собранный завтрак и помчалась к тебе.

И вот — худой, но крепко сложенный, ты мерно размахиваешь косой, и под ноги твои ровными зелѐными волнами покорно ложится трава. Насаживая на вилы небольшие кусочки волн, я бережно отношу их на самый дальний стог — зелѐный, духмяный водопад. И постоянно отслеживаю, сколько некошеного моря осталось до жѐлтой точки кустов рудбекий, которые бабушка тоже велела выкосить. Я подбегаю к тебе с вилами, чтобы унести скошенные цветы, но ты стоишь и мечтательно смотришь на них, улыбаясь чему-то своему. Над цветками-солнышками гулко жужжат полосатые шмели и пчѐлы, старательно собирая нектар и будто бы даже стремясь опередить друг друга. Я вижу двух шмелей, трудящихся на одном цветке, и подмечаю, что мы похожи на них. Ты смеёшься,

прижимаешь меня к себе и отвечаешь, что это они похожи на нас. Мы берём инструменты и идём в домик, оставив рудбекии и жизнь в них нетронутой.

Тихим вечером, согреваясь у мангальчика, мы сидим на неказистых, но прочно сколоченных табуретках, ножки которых всё время проваливаются в мягкую землю. Обжигая пальцы о печёную картошку, ждём, пока вскипит чайник. Рассматривая блики огоньков на твоём лице, я вслушиваюсь в мурчащий, успокаивающий голос, рассказывающий о жизни в большом Петербурге. Ты задираешь голову и говоришь, что таких ярких звёзд там никогда не увидишь. Сумрак перетекает в ночь. Я нелепо, по-детски вру, что в этот раз мама разрешила остаться с тобой. Ты, конечно же, знаешь, что такого она никогда бы не позволила, но не говоришь ни слова против.

Дом стоит на теневой стороне, оттого комната никогда не прогревается. Ты наливаешь оставшуюся в чайнике воду в стеклянную бутылку и кладёшь её под одеяло, мне в ноги. Ложишься рядом, необыкновенно-обыденно обняв меня. Я утыкаюсь в полосатое от тельняшки плечо и вдыхаю твой запах. В темноте ты представляешься мне дремлющим тигром. Я лежу в неудобной позе, но боюсь шевельнуться, чтобы не потревожить тебя и не нарушить объятий. Перед глазами рябит зелёный водопад стога. Я напряжённо держу маленькую ладошку на вздымающихся волнах твоих рёбер и засыпаю самым крепким сном...

К моей неожиданности, мать поутиру нисколько не злится. Я не помню ни как мы с тобой прощались, ни как ты уезжал. Запомнилось лишь обещание проводить так каждое лето. Больше я тебя не видела.

Затянувшись, я резко бросила окурочку в щель между листом железа, накрывающего мангал, и его стенкой. Бычок зашипел, упав на мокрую землю. Я аккуратно приподняла ржавый лист, обнажив испещрённое дырами дно мангала, в котором некогда трещали наколотые тобой полешки. Стрёкот сороки напугал меня, я обернулась и задела мангал. Рыжий телёнок подкосил хилые ножки и повалился на бок. Серая птица туго замахала крыльями и взлетела, оттолкнувшись от крыши деревянного сарайчика.

Я подобралась к дверям накренившегося строеньица. Вытащила крючок из проушины, дверь по инерции открылась и, ритмично ударяясь о стеллаж, стихла. Раньше тут постоянно гнездились бумажные осы, и я по привычке посмотрела наверх. Над дверным проёмом виднелись две шапки серых ульев. Не отрывая от них взгляд, я сняла с гвоздя ржавый серп и резко, неуклюже срезала обе. Пригнувшись, быстро отступила за порог и прислушалась. Половинка не до конца срезанного улья покачалась и глухо упала на пыльный занозистый пол. В разрезе бумажного сердца зияли пустые соты.

В дальний угол упиралась острым носом коса, будто обиженно отвернувшись от дружно сложенных дачных инструментов. Из долговязого,

но крепкого косовища торчала перемотанная чёрной изолентой ручка. Я аккуратно вытащила косу, прихватила лязгнувшее железное ведро и вышла из сарайчика. Замочив косу в баке с водой, чтобы дерево разбухло и косовище крепко сидело в кольце, я зашла в дом и принялась за уборку. Вымела грязь из углов кухоньки, вытащила из шкафчика пластиковую посуду и огарки свечей. На глаза попалась солонка с окаменевшими в ней остатками соли. Её и жёлтую пепельницу я плотнее примяла парой дачных штанов в уже наполненное вещами ведро. Снимая с гвоздиков пыльную рыжую штормку, я услышала за спиной скрип. Тяжёлая дверь в комнату открылась, будто приглашая войти. Я испугалась, прислушалась. Тихо поставила ведро, взяла молоток и зашла в комнату. Напротив окна стояла двухспальная кровать. По углам, друг к другу лицом, — трельяж и шкаф. На заправленной рыжим покрывалом кровати лежал мой синий детский комбинезон, замещавший обычно вторую подушку. Я оробело прошла в мертвенно-неуютную, тихую комнату. Увидев себя в створке трельяжа — взрослую, испуганную, зажавшую в руке тощую ручку молотка, я ослабила хватку. Положив его на стул у кровати, подошла к желтоватым занавесочкам, изъеденным молью. Потянув за конец резинки, натянутой между двух гвоздиков, развязала её и сняла пыльные занавески. В старом шкафу лежала лишь пара рабочей обуви — я вытащила её и вдруг увидела в углу скомканную тельняш-

ку. Затаила дыхание, нежно подняла её, сжала в руках. Не решившись выбросить сразу, я положила её на кровать. Сгребла оставшееся добро и вместе с кухонной мелочью скинула около мангала на заднем дворе. Найдя в сарайчике растворитель, вылила его на вещи и подожгла. Рыжие искорки взмывали в чернеющую синь. Я вернулась в дом и села на кровать. Облокотившись на стену, долго держала тельняшку в руках, а затем нерешительно, мельком глянув в окна, поднесла к лицу и вдохнула твой запах. Сердце лихорадочно забилось. Я растянула тельняшку рядом с собой и уткнулась носом в холодное бесформенное плечо. В стёклах окон играли блики догорающих вещей.

Сон был странный: я рассматривала в зеркале своё лицо и читала в нём твои черты. Вдруг почувствовала прикосновение руки к плечу, но не испугалась. Опустила взгляд и увидела родную буковку «С» меж сухожилий большого и указательного пальцев. Я провела щекой по грубоватой коже руки, подняла глаза к зеркалу и не увидела в отражении никого, кроме себя. Но рука лежала. Я резко обернулась и пробудилась. В глаза светил игривый солнечный заяц, отражённый зеркалом. Я протёрла глаза и посмотрела на небрежно растянутую на кровати тельняшку. Мятая, изъеденная молью, с пыльными разводами, она была похожа на половую тряпку. Я скомкала её в руке и вышла на свежий воздух. Рассветное солнце закатилось за тучи, не успев погладить меня по холодным щекам. Накрапывал дождь.

Я подошла к горке сожжённых вещей. Из неё, будто гипнотизируя, глядел на меня жёлтый глаз треснувшей пепельницы. Бросив тельняшку сверху, я вытащила из бака косу. Ухватившись за ручку, обмотанную вспузырившейся чёрной изолентой, я начала выкашивать тропу от домика к калитке.

Косьба не давалась: лезвие затупилось, неудобная ручка была прикручена под твой рост. Совсем скоро разнылась поясница, загудели мышцы. Влажное дерево и растрескавшаяся изолента натирали мозоли на ладонях. Коса то и дело находила на коряги, обрезки горбыля, кирпичи; жухлая трава косилась плохо, косовище застревало — это было уже не то зелёное море, которое красиво ложилось под ноги. Трава срезалась грубо, ключьями. Раздражённо и неграмотно, со всех сил размахивая косой, я хотела как можно быстрее добраться до калитки. Дойдя до изнеможения у зарослей малины, я остановилась, чтобы не упасть замертво. Страшно болели руки. Посмотрев на пузыри мозолей, я стёрла рукавом пот и морось с лица. В кустах малины висела налитая, не опавшая ещё ягода. Я потянулась к ней, но одёрнула руку — шип обломился, оставив занозу в пальце. Чёрная ягода упала в за-

росли. Я подцепила занозу зубами, сплюнула и, схватив косу, в отместку резанула по кустам малины. Из последних сил выкашивая траву около трухлявых ступенек, я, наконец, дошла до калитки. Пожухлые рудбекии жались друг к другу, опустив плоские головы. Чёрные язвы на солнцах воспоминаний, они злили меня одним своим видом. Я замахнулась косой и срезала несколько стеблей, засадив остриё в землю. Ручка косы обломилась. Взбесившись, я рванула косу и, обломив пятку, оставила лезвие в земле. Опустившись на колени, я вытащила его, схватила обеими руками за обух и как серпом срезала все стебли. Мозоли на ладонях кровили, я вцепилась в пеньки стеблей и надсадно, с треском вырвала их корни. Кровь на ладонях смешалась с землёй и зелёным мясом рудбекии.

Сполоснув руки в баке с дождевой водой, я ещё раз взглянула на выскобленную утробу дома. Закрыла двери, повесила замок, положила ключи на наличник над дверью. Проходя мимо останков скошенных рудбекии, я обернулась и посмотрела в глаза дому. Зияющие пустотой стеклянные окна-глазницы не выражали больше ничего. Вчера я его продала.